
МЕТОДИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

А.М. Климова, Г.А. Артамонов, К.Ш. Чмель
(Москва)

ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ ШКАЛЫ В РОССИИ¹

Впервые в отечественной литературе предложена и валидизирована шкала политического знания. Шкала была апробирована в телефонном опросе 2021 г. с использованием случайной выборки ($N = 3002$). В шкалу включены 10 вопросов на знание институционального устройства, основных политических акторов, значимых событий, международной политики, а также на знание истории государства. Предлагаемый инструментарий продемонстрировал достаточно хорошие показатели надежности.

Айгуль Маратовна Климова – кандидат социологических наук, доцент, Департамент социологии; старший научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: amavletova@hse.ru. ORCID: 0000-0001-7407-2072.

Георгий Александрович Артамонов – стажер-исследователь, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: gartamonov@hse.ru. ORCID: 0000-0002-1893-6101.

Кирилл Шамилевич Чмель – младший научный сотрудник, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта; преподаватель, Департамент интегрированных коммуникаций; аспирант, Департамент политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. E-mail: kchmel@hse.ru. ORCID: 0000-0002-1136-8754.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 21-011-31830 «Политическая осведомленность и знание о политике в контексте распространения “мягких” форматов политической информации». Авторы выражают большую благодарность Никите Савину за участие в разработке шкалы и организации исследования.

согласованности. Так, альфа Кронбаха оказалась равной 0,74. Кроме того, на основе социально-демографических переменных, интереса к политике, обсуждения новостей, медиапотребления и политического поведения показана критериальная и конвергентная валидность инструментария. Мы обнаружили слабые и средние коэффициенты корреляции между социально-демографическими переменными и уровнем политического знания. Проверка конвергентной валидности показывает слабую и среднюю корреляцию с интересом к политике, частотой обсуждения политических новостей в близком кругу, а также медиапотреблением. Наиболее выраженная корреляция обнаружена с интересом к политике. Кроме того, мы обнаружили положительную связь между уровнем политического знания и такими формами политического поведения, как голосование на выборах в Государственную думу, подписание петиций и участие в агитации. Наконец, результаты теории ответов на задания (Item-Response Theory – IRT) продемонстрировали хорошее качество предлагаемых вопросов. В целом можем сделать вывод, что данную шкалу можно использовать для измерения политического знания в России.

Ключевые слова: политическое знание; критериальная валидность; конвергентная валидность; надежность-согласованность; альфа Кронбаха; KR20; IRT

DOI: 10.19181/4m.2021.52.3

Введение

Политическое знание является центральной концепцией в исследованиях политической науки и широко применяется для объяснения различных форм политического поведения, таких как явка на выборы или голосование за политические партии и инкубентов [1]. Значимость политического знания подчеркивается также в теориях медиапотребления и политической коммуникации, где именно политическое знание выступает основным фактором формирования стабильных политических предпочтений [2].

Начиная с 1950-х гг. политическое знание становится предметом целого ряда исследований в политической науке, но, как правило, в контексте западноевропейских стран и США [3]. Причиной тому является фундаментальный для исследований демократии вопрос о том, обладают ли граждане достаточными знаниями и компетенциями, чтобы принимать рациональные, осмысленные решения, участвуя в политическом процессе. Кроме того, рост популярности работ в данной области продиктован, с одной стороны, увеличением количества исследований, посвященных демократии, а с другой – интересом исследователей политической науки к общественному мнению в целом.

Тем не менее вопрос о политическом знании представляет не меньший интерес для исследований более широкого спектра политических систем, включая российский контекст. Это, в свою очередь, ставит вопрос об инструментах для измерения политического знания. Несмотря на ряд эмпирических исследований [4; 5; 6], необходимо признать отсутствие единого теоретико-методологически обоснованного и валидизированного подхода к его измерению даже в западных работах. В редких случаях, таких как панельные исследования *American National Election Studies* или *Pew Research Center*, к измерению политического знания применяется стандартная валидизированная шкала, которая не применима к контексту, отличному от западноевропейского и американского. Более того, отметим, что, несмотря на рост популярности этой темы среди западных исследователей, отечественные работы по данной тематике практически отсутствуют и, как правило, ограничиваются теоретическими аспектами вопроса, не предлагая готовых опросных инструментов [7].

В настоящей работе мы предлагаем шкалу политического знания, которую можно применять для изучения социально-политического контекста в России. *Целью* данной работы является разработка и апробация шкалы политического знания на российской выборке. Мы проверяем валидность и надежность шкалы.

Шкала была апробирована в социологическом опросе, проведенном методом телефонного опроса с использованием случайной выборки в 2021 г. ($N = 3002$).

Концептуализация политического знания

Существует два основных теоретико-методологических подхода к пониманию политического знания. Первый подход – *нормативный* – связывает политическое знание с гражданским участием в демократических обществах [3]. В рамках данного подхода исследователей интересовало, какой уровень политического знания граждан необходим для поддержания основ демократического режима. Другими словами, для демократического общества фундаментальной остается проблема возможности индивидов принимать рациональные политические решения, голосуя на выборах или участвуя в референдумах. Рациональное же решение возможно только при условии, что индивид обладает достаточно полной информацией. В связи с этим политическое знание использовалось наряду с такими понятиями, как осведомленность, гражданская компетентность, а также информированность. Несмотря на ряд значимых трудов в рамках этого подхода, исследователи больше внимания уделяли не концептуализации и проблемам измерения политического знания, а обсуждению его роли в демократическом обществе [2; 8]. Исследователи предполагали, что бóльший уровень знания ведет к бóльшей гражданской вовлеченности, однако зачастую само знание не измерялось, а сводилось к образованию или заинтересованности в политике. Одним из первых критиков данного подхода был Д. Цаллер, который предложил теоретическую модель политической осведомленности [2]. Он указал на невозможность измерения политического знания такими переменными, как образование, интерес к политике или медиапотребление, и утверждал, что необходимо напрямую оценивать знание о политике.

В рамках второго – *эмпирически-ориентированного* – подхода концепт политического знания одновременно получил как принятое

определение, так и методики измерения. Наиболее известными работами в этой области стали исследования М. Делли Карпини и С. Китера [4; 5; 6]. Большинство современных эмпирических работ опираются именно на предложенную ими концептуализацию, ставшую в этой области классической. Ученые определили политическое знание как «*объем фактической информации о политике, которая хранится в долгосрочной памяти человека*» [5, р. 10]. Данным определением исследователи отделили знание о политике от когнитивных и интеллектуальных способностей гражданина, разделив политическое знание и образование, или коэффициент умственного развития (IQ). Кроме того, они концептуально отделили знание от установок, утвердив тем самым невозможность измерения концепта с помощью вопросов на политические установки. Более того, исследователи дали операциональное определение, которое позволило перейти к измерению данного концепта, что и используется до сих пор в панельных исследованиях *American National Election Studies (ANES)*. Мы будем придерживаться данного определения в работе.

Измерение политического знания

В западной литературе нет единого устоявшегося подхода к измерению политического знания. Однако мы можем выделить шесть основных категорий знания о политике, которые обычно используются исследователями для повышения содержательной валидности шкалы. Почти все исследования в первую очередь включают знание *институционального устройства*. Это базовое знание о государстве, основных политических институтах и их функциях [5; 6]. Такие основы функционирования политики закреплены в конституциях стран. Предполагается, что без знания полномочий и функций основных политических институтов индивиду сложно понимать принципы их существования и интерпретировать их роль в политическом процессе. Примерами таких

вопросов являются вопросы в европейских странах о количестве участников Европарламента, избираемых страной [9], или вопросы о наличии права вето у президента [10].

Зачастую исследователи включают вопросы на *знание основных политических акторов*: их позиции, идеологию или партийную принадлежность [11]. Например, в американских опросах респондентов просят назвать имя человека, занимающего пост верховного судьи, сенатора или вице-президента [12].

Другая категория, которая обычно выделяется исследователями, – это *знание значимых политических событий* [6]. Эта категория определяет, насколько человек осведомлен об изменениях в политической жизни общества. К этой категории относится знание кадровых перестановок на ключевых постах, результатов проводимого политического курса, дат выборов и т.п. [13]. Знание значимых событий является одним из ключевых составляющих политического знания и показывает знакомство с направлениями политического процесса и расстановкой политических сил.

Следующая категория – *знание международной политики*. Так, например, в опросах спрашивают о том, кто занимает пост президента другой страны [14]. В некоторых волнах известного американского опроса ANES респондентов спрашивают о том, кто занимает пост президента РФ. Предполагается, что чем выше уровень знания других стран, тем больше индивид понимает причины конфликтов и сотрудничества стран на международной арене.

Кроме того, исследователи включают вопросы на базовое *знание истории и экономики государства*. Так, могут быть включены вопросы на знание об исторических военных действиях или о президентах прошлых лет [15]. Тем не менее некоторые исследователи оспаривают необходимость использования этой категории, так как ее связь со знанием политического процесса может быть незначительной [16, р. 203].

Наконец, в некоторые исследования включаются вопросы, не только касающиеся широких общеполитических тем, но и более

узконаправленных [13]. В основном это знание определенных политических реформ. Например, это может быть знание в области налоговой реформы и предлагаемых к ней поправок [17]. Некоторые исследователи указывают на то, что гендерный разрыв в области политического знания можно объяснить отсутствием в большинстве анкет вопросов, релевантных для женщин: например, вопросов о женской или семейной политике, а также вопросов о женщинах-политиках [18]. Похожее можно увидеть и на примере исследования мигрантов, которые хуже знают конституцию, но имеют более глубокие знания в области миграционной политики [19].

Методология

Метод опроса

Для валидации и апробации шкалы мы использовали результаты всероссийского телефонного опроса с использованием случайной выборки в октябре–ноябре 2021 г., проведенного авторским коллективом в рамках исследовательского гранта. В опросе были введены основные социально-демографические квоты. Коэффициент ответов RR1 оказался равным 0,013, коэффициент кооперации COOP1 – 0,04, а коэффициент отказов REF1 – 0,31 [20]. В среднем заполнение анкеты длилось 25 минут ($SD = 6,1$). До основного опроса мы провели пилотажное исследование методом онлайн-опроса. Респондентами выступили студенты Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» ($N = 263$).

Выборка

Объем выборки составил 3002 респондента, из них 50% – женщины. Возраст респондентов варьировался от 18 до 104 лет, а средний возраст респондентов составил $M = 48,6$ ($SD = 16,1$); 48% опрошенных имеют высшее образование, 58% работают, 56% состоят в браке.

Инструментарий

Предыдущие исследования показали, что на индикатор политического знания влияет ряд методологических аспектов, таких как формат вопроса (открытый или закрытый), предлагаемое количество вариантов ответа (ответы «да/нет» либо ряд содержательных ответов на выбор), а также общее количество возможных правильных ответов (один или несколько) в случае закрытого вопроса [5; 6; 14]. Более когнитивно сложными для респондентов являются открытые вопросы, а также вопросы со множественными вариантами правильных ответов [21]. В соответствии с рекомендациями в литературе [5; 22] мы выбрали закрытый формат ответов с одним правильным ответом. Учитывая специфику метода телефонного опроса, в каждый вопрос мы включили пять содержательных ответов. Кроме того, респонденты могли затрудниться ответить на каждый из предложенных вопросов, однако в соответствии с рекомендациями [23] такая опция ответа не предлагалась респондентам эксплицитно (то есть ее не зачитывал интервьюер как вариант ответа). Между тем, если респонденты не знали ответ, интервьюер кодировал это как «затрудняюсь ответить». Порядок представления содержательных ответов был рандомизирован. Порядок представления вопросов не менялся.

Другое значимое решение, которое должен принять исследователь, – количество предложенных вопросов в шкале политического знания. Количество вопросов варьируется в разных исследованиях от 1 до 30 [13]. М. Делли Карпини и С. Китер предложили использовать 5 вопросов, которые далее применялись во многих эмпирических работах [5; 6]. Несмотря на то, что в литературе отсутствуют общие рекомендации, мы исходили, с одной стороны, из соображений валидности и надежности инструментария, с другой – из соображений длительности анкетирования и сложности вопросов для респондентов. На основании проведенного пилотажного исследования было решено включить в инструментарий 10 вопросов (полный перечень вопросов см. в Приложении) на знание:

– *институционального устройства*: исполнительная ветвь власти, количество палат в парламенте, название верхней палаты высшего законодательного органа, срок правления президента России;

– *основных политических акторов*: кто занимает пост премьер-министра России, пост председателя Совета Федерации, какую политическую партию возглавляет Г. Зюганов;

– *значимых событий*: дата последних на сегодняшний день выборов президента России;

– *международной политики*: кто занимает пост президента США;

– *истории государства*: год принятия Конституции России.

Мы не включали вопросы на знание более узконаправленных тем по двум причинам. Во-первых, такая категория используется в опросах на общее политическое знание достаточно редко. Во-вторых, снижается содержательная валидность инструментария в связи с тем, что какие-то вопросы становятся релевантными лишь для определенных социальных групп.

Валидизация инструментария

Для валидизации инструментария мы предприняли следующее.

1. Для начала мы воспользовались *теорией ответов на задания* – IRT (*Item-Response Theory*). Ряд работ в области политического знания исследуют вопросы, используя данный метод [5; 6; 12]. IRT моделирует способность респондента (в нашем случае – знание) через латентную переменную. Базовый тест состоит в том, что предсказанная вероятность правильного ответа на каждый вопрос должна расти с увеличением этой способности. Применение метода позволило выявить сложность элементов опроса и то, насколько хорошо они различали респондентов с разными уровнями знания. При высоком качестве измерения статистика RMSEA должна быть ниже 0,05 для всей шкалы и для каждого вопроса по отдельности [24].

Значения выше говорят о том, что элементы плохо согласованы или измеряют разные латентные способности.

2. Рассчитали *надежность-согласованность* шкалы политического знания на основе трех показателей: альфа Кронбаха, KR20, а также надежность на основе IRT-модели.

3. Для проверки валидности шкалы мы рассчитали для каждого респондента сумму правильных ответов, как это обычно делается в работах западных исследователей. Исследователи показали, что политическое знание является одномерным латентным конструктом и для его измерения может быть использована сумма правильных ответов [4; 5; 6; 12].

Согласно подходу «мотивация–умение–возможность», который применяется исследователями в области политического знания [6; 13], можно выделить три составляющие, связанные с политическим знанием. Так, мотивация отражает желание получить политическую информацию. Умение показывает то, насколько человек способен понимать и хранить эту информацию в памяти. Возможность отсылает к тому, насколько человеку доступно ознакомление с политической информацией. Мы измерили все три составляющие в нашем опросе. Так, мотивация была измерена с помощью вопросов об интересе к политике и о политическом участии. Умение измерялось нами через уровень образования (например, наличие высшего образования), а возможности – через медиапотребление и участие в обсуждении политических тем.

Прежде всего, мы проверим критериальную валидность на основе таких *социально-демографических переменных*, как пол, возраст, уровень образования и доход. Исследования показали, что уровень образования положительно влияет на уровень политического знания, так как обучение приводит к более комплексному пониманию событий и повышению политической компетентности [6]. Кроме того, уровень дохода и возраст также показывают положительную, хотя и слабую корреляцию с уровнем политического знания [25]. Мы также ожидаем, что мужчины покажут более вы-

сокий уровень политического знания по сравнению с женщинами [4; 5; 6; 12; 13].

Уровень образования в исследовании был закодирован по бинарной шкале (имеют высшее образование / не имеют, см. табл. 1). Доход был измерен по 10-балльной шкале. Мы просили оценить долю ежемесячных семейных расходов на питание и оплату коммунальных услуг (от 91–100% до 10% и менее).

4. Мы проверим конвергентную валидность на основе следующих переменных: *интерес к политике, обсуждение новостей в близком кругу, медиапотребление и политическое поведение*. Ранее в исследованиях была показана положительная корреляция между этими переменными и политическим знанием [6; 19; 26; 27; 28; 29].

Интерес к политике был измерен в исследовании по 7-балльной шкале (1 – совсем не интересуюсь, 7 – очень интересуюсь, см. табл. 1). Частота обсуждения новостей о происходящем в России и других странах в близком кругу измерялась по 6-балльной шкале (1 – не обсуждаю, 6 – практически каждый день). Новостное медиапотребление было измерено по следующим программам и каналам по 6-балльной шкале: частота просмотра новостей на «Первом канале» или «Россия-1»; на телеканале «Дождь» или «Радио Свобода»; на «Эхо Москвы», Евроньюс или РБК; частота просмотра аналитических программ «Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьевым», «60 минут» (1 – никогда, 6 – каждый день / почти каждый день).

Политическое поведение было измерено следующими вопросами: голосование на выборах в Государственную думу 19 сентября 2021 г. (участвовал / не участвовал); участие за последние 12 месяцев в общественных слушаниях; участие в санкционированных и несанкционированных митингах и акциях протеста; подписание петиций, обращений, требований чиновникам (в том числе в Интернете); обращение с требованиями в государственные органы или политические партии; участие в агитации других людей принять участие в политических действиях.

Таблица 1

ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА: ДОЛЯ ПРАВИЛЬНЫХ
ОТВЕТОВ И ДОЛЯ ЗАТРУДНИВШИХСЯ ОТВЕТИТЬ
ПО КАЖДОМУ ВОПРОСУ ШКАЛЫ (в %)

Вопрос	Доля правильных ответов	Доля затруднившихся ответить
1. Год принятия Конституции	26,8	30,4
2. Исполнительная ветвь власти	34,9	21,1
3. Количество палат в парламенте	44,1	30,7
4. Высшая палата высшего законода- тельного органа	33,4	19,5
5. Срок правления президента	54,1	5,6
6. Год проведения выборов президента	49,5	13,8
7. Пост премьер-министра России	79,2	6,1
8. Какую партию возглавляет Г. Зюганов	86,5	5,9
9. Пост председателя Совета Федерации	60,7	26,9
10. Пост президента США	83,4	7,1

Результаты

Доля правильных ответов по каждому вопросу варьировалась от 26,8% (год принятия Конституции, см. табл. 1) до 86,5% (какую политическую партию возглавляет Г. Зюганов). В среднем доля правильных ответов оказалась на уровне 55% (среднее количество правильных ответов $M = 5,5$; $SD = 2,47$). Распределение шкалы близкое к нормальному: значение асимметрии оказалось равным $-0,12$, а значение эксцесса $-0,70$.

Доля затруднившихся ответить варьировалась от 5,6% (срок правления президента, см. табл. 1) до 30,7% (количество палат в парламенте). В среднем эта доля была на уровне 17%. На основании доли затруднившихся можем сделать вывод, что наиболее

сложными для респондентов оказались вопросы о количестве палат в парламенте, годе принятия Конституции РФ, а также о том, кто занимает пост председателя Совета Федерации. Наиболее простыми с точки зрения доли затруднившихся ответить оказались вопросы о сроке правления президента, о том, какую партию возглавляет Г. Зюганов и кто занимает пост премьер-министра России.

Надежность-согласованность оказалась на достаточно хорошем уровне: α Кронбаха и KR20 = 0,74. Предельная надежность шкалы в рамках подхода IRT, основанного на информационной функции, оказалась равной 0,75.

Для проверки шкалы с помощью IRT мы использовали двух-составную модель Раша с параметрами различения и сложности. В итоге показатели качества схождения модели прошли принятые в литературе критерии: RMSEA = 0,043 ($p < 0,06$; 95% CI [0,0378; 0,0484]), SRMR = 0,039 ($p < 0,05$), TLI = 0,966 ($p > 0,95$), CFI = 0,974 ($p > 0,95$). Кроме того, все вопросы показали высокую степень согласованности с латентной способностью. Об этом свидетельствует статистика RMSEA, которая для каждого вопроса оказалась ниже 0,05 (см. табл. 2).

Все вопросы показали положительные и относительно высокие значения различения ($> 0,5$). Хуже всего различал разные уровни знания вопрос № 6 о том, когда были выборы президента (0,79), а лучше всего – вопрос № 8 о том, какую партию возглавляет Г. Зюганов (2,42). Этот же вопрос № 8 оказался и самым легким (-1,36), тогда как самым сложным ожидаемо стал вопрос про год принятия Конституции (1,34).

Для более детального анализа того, насколько хорошо шкала идентифицирует разные уровни знания у респондентов, мы также построили информационную кривую теста. На рис. 1 можно видеть, что шкала лучше справляется с выявлением относительно невысокого уровня политического знания и хуже дифференцирует тех, у кого знание выше среднего уровня.

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ IRT МОДЕЛИ

Вопрос	Различение	Сложность	RMSEA
1. Год принятия Конституции	0,86	1,34	0,021
2. Исполнительная ветвь власти	1,30	0,63	0,025
3. Количество палат в парламенте	1,80	0,19	0,000
4. Высшая палата высшего законодательного органа	1,42	0,66	0,024
5. Срок правления президента	0,97	-0,21	0,016
6. Год проведения выборов президента	0,79	0,02	0,000
7. Пост премьер-министра России	2,12	-1,05	0,000
8. Какую партию возглавляет Г. Зюганов	2,42	-1,36	0,007
9. Пост председателя Совета Федерации	1,74	-0,39	0,013
10. Пост президента США	2,03	-1,28	0,016

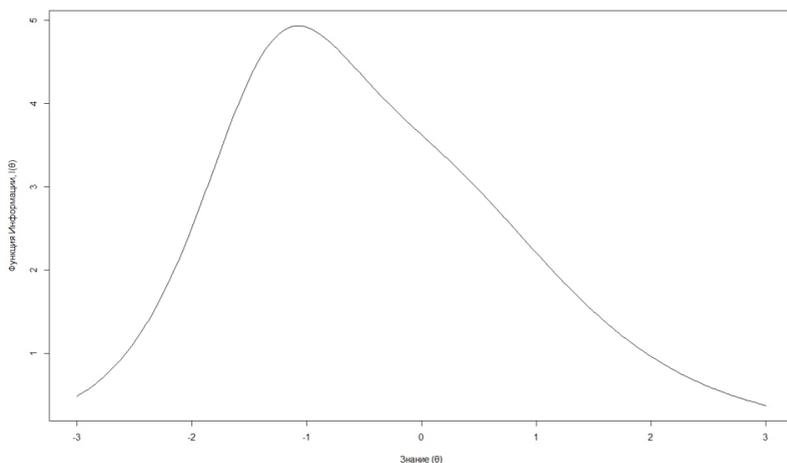

Рис. 1. Информационная кривая теста

Далее перейдем к проверке критериальной валидности инструментария на основании ряда переменных. Мы обнаружили слабые и средние коэффициенты корреляции между социально-демографическими переменными и уровнем политического знания (см. табл. 3).

Таблица 3

**ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА И КОЭФФИЦИЕНТ
КОРРЕЛЯЦИИ ПИРСОНА С УРОВНЕМ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

Переменные	Среднее значение (станд. отклон.)	Коэффициент корреляции Пирсона
<i>Социально-демографические переменные</i>		
Пол (1 – мужчины, 0 – женщины)	0,50	0,21***
Возраст	48,59 (16,12)	0,18***
Уровень образования (1 – высшее, 0 – незаконченное высшее и ниже)	0,48	0,32***
Доход (1 – доля ежемесячных семейных расходов на питание и оплату коммунальных услуг 91–100%, 10 – 10% и менее)	5,38 (2,37)	0,07***
<i>Политический интерес и политическое обсуждение</i>		
Интерес к политике (1 – совсем не интересуюсь, 7 – очень интересуюсь)	4,64 (1,67)	0,33***
Частота обсуждения политических новостей (1 – не обсуждаю, 6 – практически каждый день)	4,01 (1,79)	0,19***
<i>Медиапотребление (1 – никогда, 6 – каждый день / почти каждый день)</i>		
Новости на «Первом канале» или «Россия-1»	3,94 (2,14)	0,05*
Новости на телеканале «Дождь» или «Радио Свобода»	1,38 (1,10)	0,09***

Окончание табл. 3

Переменные	Среднее значение (станд. отклон.)	Коэффициент корреляции Пирсона
Новости на «Эхо Москвы», Евроньюс или РБК	1,74 (1,48)	0,24***
Просмотр аналитических программ «Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьевым» или «60 минут»	2,92 (2,02)	0,15***
<i>Политическое поведение</i> (1 – да, 0 – нет)		
Голосование на выборах в Государственную думу 19 сентября 2021 г.	0,62	0,22***
Участие за последние 12 месяцев в общественных слушаниях	0,10	0,00
Участие за последние 12 месяцев в санкционированных и несанкционированных митингах и акциях протеста	0,05	0,05**
Подписание за последние 12 месяцев петиций, обращений, требований чиновникам (в том числе в интернете)	0,20	0,13***
Обращение с требованиями в государственные органы или политические партии за последние 12 месяцев	0,12	0,07***
Агитация других людей принять участие в политических действиях за последние 12 месяцев	0,13	0,18***

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Наиболее слабая корреляция была обнаружена с уровнем дохода ($r = 0,07$), а наиболее сильная – с уровнем образования ($r = 0,32$). Мужчины продемонстрировали более высокий уро-

вень политического знания ($M = 6,04$; $SD = 2,50$) по сравнению с женщинами ($M = 5,02$; $SD = 2,34$). Возраст показывает слабую положительную связь ($r = 0,18$).

Проверка конвергентной валидности показывает слабую и среднюю корреляцию с интересом к политике, частотой обсуждения политических новостей в близком кругу, а также медиапотреблением. Наиболее выраженная корреляция обнаружена с интересом к политике ($r = 0,33$). Частота обсуждения новостей имеет более слабую, но также положительную корреляцию с политическим знанием ($r = 0,19$). Медиапотребление новостей имеет в основном слабую корреляцию с политическим знанием. Наиболее выраженная связь обнаружена с частотой просмотра новостей на «Эхо Москвы», Евроньюс или РБК ($r = 0,24$), наиболее слабая – с частотой просмотра новостей по таким главным телевизионным каналам, как «Первый канал» или «Россия-1» ($r = 0,05$).

В соответствии с нашими ожиданиями уровень политического интереса показал положительную корреляцию с разными формами политического поведения. Наиболее сильная корреляция была обнаружена с голосованием на выборах в Государственную думу ($r = 0,22$). Более слабые корреляции были обнаружены с такими формами политического поведения, как агитация принять участие в политических действиях ($r = 0,18$) и подписание петиций ($r = 0,13$). Очень слабые корреляции были обнаружены с участием в санкционированных и несанкционированных митингах, а также с обращением с требованиями в государственные органы или политические партии. Статистически незначимая связь была обнаружена с участием в общественных слушаниях.

Далее мы включим все рассмотренные переменные в линейную регрессионную модель и предскажем на их основе уровень политического знания респондентов. Коэффициент детерминации в модели оказался равным $R^2 = 0,31$ ($p < 0,001$). Таким образом, предлагаемые переменные объясняют 31% дисперсии шкалы политического знания. В табл. 4 представлены результаты регрессион-

ного моделирования. В целом они подтверждают результаты корреляционного анализа. Мы включили как нестандартизированные, так и стандартизированные коэффициенты.

Таблица 4

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛИНЕЙНОЙ РЕГРЕССИИ: ПРЕДСКАЗАНИЕ
УРОВНЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Переменные	Нестандартиз. коэф. (ст. ошибка)	Стандартиз. коэф.
<i>Социально-демографические переменные</i>		
Пол (1 – мужчины, 0 – женщины)	0,963*** (0,084)	0,195***
Возраст	0,027*** (0,003)	0,177***
Уровень образования (1 – высшее, 0 – незаконченное высшее и ниже)	1,354*** (0,084)	0,274***
Доход (1 – доля ежемесячных семейных расходов на питание и оплату коммунальных услуг 91–100%, 10 – 10% и менее)	0,056** (0,018)	0,054**
<i>Политический интерес и политическое обсуждение</i>		
Интерес к политике (1 – совсем не интересуюсь, 7 – очень интересуюсь)	0,272*** (0,029)	0,183***
Частота обсуждения политических новостей (1 – не обсуждаю, 6 – практически каждый день)	0,045 (0,026)	0,032
<i>Медиапотребление (1 – никогда, 6 – каждый день/почти каждый день)</i>		
Новости на «Первом канале» или «Россия-1»	-0,008 (0,026)	-0,007
Новости на телеканале «Дождь» или «Радио Свобода»	-0,057 (0,040)	-0,025
Новости на «Эхо Москвы», Евроньюс или РБК	0,215*** (0,030)	0,129***

Окончание табл. 4

Переменные	Нестандартиз. коэф. (ст. ошибка)	Стандартиз. коэф.
Просмотр аналитических программ «Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьевым» или «60 минут»	0,070* (0,028)	0,057*
<i>Политическое поведение</i>		
Голосование на выборах в Государственную думу 19 сентября 2021 г.	0,460*** (0,090)	0,090***
Участие в общественных слушаниях	-0,644*** (0,137)	-0,079***
Участие в санкционированных и несанкционированных митингах	-0,255 (0,197)	-0,022
Подписание петиций, обращений, требований чиновникам (в том числе в Интернете)	0,546*** (0,112)	0,089***
Обращение с требованиями в государственные органы или политические партии	-0,066 (0,130)	-0,009
Агитация других людей	0,406** (0,128)	0,056**
Константа	0,525* (0,215)	

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; $R^2 = 0,31$, $p < 0,001$; $N = 2605$.

Стандартизированные коэффициенты позволяют сравнить переменные между собой по силе связи с уровнем политического знания. Так, наиболее значимая связь обнаружена с социально-демографическими характеристиками, в частности с уровнем образования. Данные табл. 4 демонстрируют, что в случае наличия высшего образования в среднем и при прочих равных количество правильных ответов увеличивается на 1,354 из 10 возможных. Достаточно сильная связь обнаружена между полом и уровнем

политического знания. Так, среди мужчин в среднем и при прочих равных количество правильных ответов выше на 0,963 из 10 возможных по сравнению с женщинами. Возраст также демонстрирует относительно сильную положительную связь с уровнем политического знания. Величина эффекта связи между доходом и политическим знанием, хотя и статистически значима, является слабой.

Интерес к политике демонстрирует достаточно сильную связь с политическим знанием, по сравнению с другими переменными. Так, увеличение на одно деление по 7-балльной шкале в среднем и при прочих равных увеличивает количество правильных ответов по шкале политического знания на 0,272 из 10 возможных. При этом, по сравнению с корреляционным анализом в регрессионной модели, пропала статистическая значимость у такой переменной, как частота обсуждения политических новостей.

Переменные медиапотребления показали схожие паттерны с анализом корреляций. Наиболее сильная корреляция была обнаружена с просмотром или прослушиванием новостей на «Эхо Москвы», Евроньюс или РБК. Так, увеличение частоты просмотра или прослушивания новостей на данных теле- и радиоканалах на одно деление по 6-балльной шкале увеличивает в среднем и при прочих равных количество правильных ответов по шкале политического знания на 0,215. Меньший, хотя и статистически значимый эффект был обнаружен относительно просмотра таких аналитических программ, как «Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьевым» или «60 минут». Увеличение частоты просмотра данных передач на одно деление по 6-балльной шкале увеличивает в среднем количество правильных ответов на 0,07 из 10.

Такие переменные политического поведения, как голосование на выборах в Государственную думу, подписание петиций, а также агитация других людей принять участие в политических действиях, продемонстрировали положительную корреляцию с уровнем политического знания. Так, среди тех, кто проголосовал на выборах в Государственную думу 19 сентября 2021 г., количество

правильных ответов в среднем и при прочих равных на 0,46 больше по сравнению с теми, кто не голосовал. Среди тех, кто подписывал петиции, количество правильных ответов в среднем на 0,546 больше, а среди тех, кто агитировал людей, – на 0,406 из 10 возможных. Хотя в анализе корреляций участие в общественных слушаниях показало нулевую корреляцию с уровнем политического знания, в регрессионной модели данная переменная оказалась значимой. Мы не можем содержательно интерпретировать данную связь и обосновываем этот результат возможной мультиколлинеарностью предикторов.

Обсуждение результатов

Средняя доля правильных ответов в шкале политического знания оказалась на уровне 55%. Такие данные сопоставимы с результатами американских опросов, в которых используется схожее количество вопросов и тот же формат шкал. Например, в некоторых волнах репрезентативного общеамериканского опроса ANES с 9 вопросами доля правильных ответов варьировалась в зависимости от года опроса от 51 до 54% [23]. Кроме того, в среднем на вопросы нашей шкалы затруднились ответить около 17% респондентов. Опять же, данные сопоставимы с результатами опроса ANES, в котором доля респондентов, затруднившихся с ответом, варьировалась от 14 до 16% [23].

Предлагаемая шкала показала хорошие показатели надежности-согласованности. Так, альфа Кронбаха и KR20 оказались равными 0,74, а предельная надежность на основании IRT-модели – 0,75, что сопоставимо с результатами некоторых американских шкал, в которых используется схожее количество вопросов (см., например: [4; 5; 14; 17]). Вместе с тем наши результаты показывают более высокую надежность-согласованность по сравнению с рядом других предложенных шкал [30; 31].

Результаты IRT показали хорошее качество как шкалы в целом, так и по отдельным вопросам. Кроме того, каждый вопрос

показал высокую степень различения респондентов по уровню знания. Значение данной переменной не опускалась ниже 0,79, демонстрируя отсутствие аномалий измерения. В основном же значения различения лежали выше 1, что показывает достаточную точность предложенного инструментария.

Мы продемонстрировали критериальную и конвергентную валидность предложенного инструментария. Как и многие западные исследователи, мы обнаружили, что уровень образования является наиболее сильным предиктором политического знания [6; 13]. Результаты регрессионного моделирования показали, что наиболее сильную связь показывает именно уровень образования. Кроме того, как и большинство исследователей, мы обнаружили более высокий уровень политического знания среди мужчин по сравнению с женщинами. Величина эффекта, полученная в нашей работе, сопоставима с результатами других исследований [30; 32]. В целом хотя сама корреляция является относительно слабой, она достаточно устойчивая и воспроизводится в большинстве исследований по политическому знанию. Кроме того, мы обнаружили слабую положительную связь с доходом и возрастом, что подтверждает валидность предложенного инструментария [15; 25; 32].

Безусловно, один из основных предикторов политического знания – интерес к политике. Достаточно очевидно, что именно интерес к политике приводит к большей мотивации следить за политическими событиями. Исследователи отмечают некоторый парадокс: несмотря на рост доли граждан с высшим образованием, рост политического знания со временем не происходит. Одно из объяснений связано с изменениями в системе образования. Так, например, современные американские выпускники колледжей демонстрируют такой же уровень политического знания по некоторым вопросам, как и выпускники средних школ в 1940–1950-х гг. [6]. Однако все же основное объяснение связано с падением интереса к политике среди большинства граждан [4; 6; 33]. В связи с этим интерес к политике является фундаментальной основой для поли-

тического знания. В нашем исследовании мы обнаружили, что наряду с уровнем образования средний уровень корреляции был зафиксирован именно с политическим интересом. Величина эффекта сопоставима с результатами западных исследований [6; 19].

Обсуждение политических тем с близкими и знакомыми оказывает положительное влияние на уровень политического знания. Очевидно, что чем больше индивид говорит на эти темы с другими, тем больше он узнает, понимает и критически оценивает. Так, проведенный на 134 исследованиях метаанализ показал корреляцию между политическим знанием и частотой обсуждения на уровне 0,15 [29]. В нашем исследовании мы получили схожую величину эффекта ($r = 0,19$). Несмотря на то, что данная переменная потеряла статистическую значимость при включении ряда других предикторов в регрессионную модель, мы, вслед за другими исследователями, должны признать, что, как правило, связь между частотой обсуждения и уровнем знания есть, хотя сама величина эффекта небольшая [29].

Ряд исследователей показали влияние медиапотребления на уровень политического знания. Так, чтение газет, просмотр телепрограмм, пользование цифровыми информационными ресурсами ведут к повышению уровня политического знания [13; 26; 28]. Вместе с тем это влияние может быть достаточно скромным. Это объясняется как селективным влиянием, так и предпочтением просмотра развлекательного медиаконтента. В нашем исследовании мы также обнаружили медиаэффекты. Наиболее выраженные эффекты были обнаружены среди тех, кто просматривает или прослушивает новости на «Эхо Москвы», Евроньюс или РБК, а также среди тех, кто интересуется такими аналитическими программами, как «Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьевым» или «60 минут».

Наконец, исследования показали влияние политического знания на политическое поведение [1; 6]. Так, доказано в том числе каузальное влияние политического знания на вероятность голосования на выборах [27]. В нашем исследовании мы обнаружили положительную

связь между уровнем политического знания и такими формами политического поведения, как голосование на выборах в Государственную думу, подписание петиций и участие в агитации. Наши результаты сопоставимы с результатами других исследований [6; 27].

Заключение

В работе впервые в отечественной литературе предложена и апробирована шкала политического знания. Мы проверили валидность и надежность шкалы на основе социологического опроса, проведенного методом телефонного интервью с использованием случайной выборки. В целом можем сделать вывод, что данную шкалу можно использовать для измерения политического знания в России.

Отметим некоторые ограничения работы, а также возможные дальнейшие направления в этой области.

Во-первых, дискуссии ведутся относительно того, насколько правомерно объединять в анализе данные тех, кто затруднился с ответом, с теми, кто отметил неправильный ответ. Исследователи предлагают различать четыре группы: 1) информированы и отмечают правильный ответ, 2) частично информированы (могут точно не помнить или помнят примерно), 3) дезинформированы (уверены в своем ответе, но он неверный), 4) не информированы [23]. Эти четыре группы показывают разные паттерны заполнения. Наиболее значимая для исследователей группа, которая зачастую попадает в неверно отмеченный ответ, – респонденты, которые частично информированы. В связи с этим некоторые исследователи предлагают вводить не бинарную, а более комплексную шкалу, которая могла бы различать частично информированных. В нашем случае мы действовали по упрощенной, хотя и широко принятой в области политического знания стратегии, объединив в одну группу тех, кто затруднился с ответом, и тех, кто отметил неправильный вариант ответа. В дальнейших исследованиях, возможно, необходимо учесть более сложную схему анализа.

Во-вторых, необходимо отметить, что ведется достаточно большая дискуссия относительно влияния формата вопросов на политическое знание. Некоторые исследователи предлагают включать больше открытых вопросов и вопросов со множественным выбором ответов. В этом случае, хотя и увеличивается когнитивная нагрузка и снижается надежность-согласованность шкал, значительно снижается вероятность угадывания ответов [14]. В дальнейших работах можно протестировать валидность разных форматов вопросов.

В-третьих, исследователи дискутируют насчет того, как должен быть включен ответ «Затрудняюсь ответить». Некоторые считают, что необходимо открыто заявлять респондентам, что, если они не знают ответ, им рекомендуется выбрать вариант «Затрудняюсь ответить» [6; 22; 31]. Другие исследователи полагают, что нет необходимости эксплицитно предлагать этот вариант ответа респондентам [14; 23]. В данном исследовании мы выбрали вторую стратегию. В дальнейших опросах можно предлагать эксплицитно респондентам выбирать вариант «Затрудняюсь ответить» в случае незнания ответа.

В-четвертых, предложенная шкала лучше справляется с идентификацией более низкого уровня политического знания. Одной из дальнейших возможных точек доработки является подбор сложных вопросов, различающих более высокие уровни политического знания.

В-пятых, хотя шкала продемонстрировала достаточно хорошие показатели надежности-согласованности, есть необходимость в разработке более надежной шкалы, однако не за счет снижения содержательной валидности. Наконец, мы предложили 10 вопросов, а подобную шкалу зачастую затруднительно включать в массовые опросы. В связи с этим в дальнейшем есть необходимость в апробировании более коротких версий шкалы. Учитывая эти дискуссионные вопросы, мы предлагаем исследователям дальше разрабатывать и измерять политическое знание в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Palfrey T.R., Poole K.T.* The Relationship Between Information, Ideology, and Voting Behavior // *American Journal of Political Science*. 1987. No. 31 (3). P. 511–530.
2. *Цаллер Д.* Происхождение и природа общественного мнения. М.: Фонд «Общественное мнение», 2004.
3. *Berelson B.R., Lazarsfeld P.F., Mcphee W.N.* Voting: a Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign. Chicago: University of Chicago Press, 1954.
4. *Delli Carpini M.X.D., Keeter S.* Stability and Change in the U.S. Public's Knowledge of Politics // *The Public Opinion Quarterly*. 1991. No. 55 (4). P. 583–612.
5. *Delli Carpini M.X.D., Keeter S.* Measuring Political Knowledge: Putting First Things First // *American Journal of Political Science*. 1993. No. 37 (4). P. 1179–1206.
6. *Delli Carpini M.X.D., Keeter S.* What Americans Know about Politics and Why it Matters. New Haven: Yale University Press, 1996.
7. *Фомин О.Н.* Политическая культура как фактор политического процесса // *Власть*. 2012. № 3. С. 86–89.
8. *Milbrath L.W.* Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics? Chicago: Rand McNally, 1965.
9. *Clark N.* The EU's Information Deficit: Comparing Political Knowledge across Levels of Governance // *Perspectives on European Politics and Society*. 2014. No. 15 (4). P. 445–463.
10. *Andi S., Aytac S.E., Çarkoğlu A.* Internet and Social Media Use and Political Knowledge: Evidence from Turkey // *Mediterranean Politics*. 2020. No. 25 (5). P. 579–599.
11. *Prior M.* News vs. Entertainment: How Increasing Media Choice Widens Gaps In Political Knowledge And Turnout // *American Journal of Political Science*. 2005. No. 49 (3). P. 577–592.
12. *Pietryka M.T., MacIntosh R.C.* An Analysis of ANES Items and Their Use in the Construction of Political Knowledge Scales // *Political Analysis*. 2013. No. 21 (4). P. 407–429.
13. The question(s) of political knowledge / J. Barabas [et al.] // *American Political Science Review*. 2014. No. 108 (4). P. 840–855.
14. *Mondak J.J.* Developing Valid Knowledge Scales // *American Journal of Political Science*. 2001. No. 45 (1). P. 224–238.
15. *Jennings M.K.* Political Knowledge Over Time and across Generations // *Public Opinion Quarterly*. 1996. No. 60. P. 228–252.
16. *Lupia A.* Uninformed: Why People Know So Little about Politics and What We Can Do about it. New York: Oxford University Press, 2016.
17. *Prior M., Lupia A.* Money, Time, and Political Knowledge: Distinguishing Quick Recall and Political Learning Skills // *American Journal of Political Science*. 2008. No. 52 (1). P. 169–183.
18. *Dolan K.* Do Women and Men Know Different Things? Measuring Gender Differences in Political Knowledge // *The Journal of Politics*. 2011. No. 73 (1). P. 97–110.

19. *Cohen C.J., Luttig M.D.* Reconceptualizing Political Knowledge: Race, Ethnicity, and Carceral Violence // American Political Science Association. 2020. No. 18 (3). 805–818.

20. AAPOR: The American Association for Public Opinion Research. Standard Definitions: Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys. 9th ed. Amsterdam: AAPOR, 2016.

21. *Robison J.* Who Knows? Question Format and Political Knowledge // International Journal of Public Opinion Research. 2015. No. 27 (1). P. 1–21.

22. *Luskin R.C., Bullock J.G.* “Don’t know” Means “Don’t Know”: DK Responses and the Public’s Level of Political Knowledge // The Journal of Politics. 2011. No. 73 (2). P. 547–557.

23. *Mondak J.J.* Reconsidering the Measurement of Political Knowledge // Political Analysis. 2000. No. 8 (1). P. 57–82.

24. *Maydeu-Olivares A.* Goodness-of-Fit Assessment of Item Response Theory Models // Measurement: Interdisciplinary Research and Perspectives. 2013. No. 11 (3). P. 71–101.

25. *Chaffee S.H., Zhao X., Leshner G.* Political Knowledge and the Campaign Media of 1992 // Communication Research. 1994. No. 21 (3). P. 305–324.

26. *Chaffee S.H., Kanihan S.F.* Learning about Politics from the Mass Media // Political Communication. 1997. No. 14 (4). P. 421–430.

27. *Larcinese V.* Does Political Knowledge Increase Turnout? Evidence from the 1997 British General Election // Public Choice. 2007. No. 131. P. 387–411.

28. The Effects of Digital Media on Political Knowledge and Participation in Election Campaigns: Evidence From Panel Data / D.V. Dimitrova [et al.] // Communication Research. 2014. No. 41 (1). P. 95–118.

29. *Amsalem E., Nir L.* Does Interpersonal Discussion Increase Political Knowledge? A Meta-Analysis // Communication Research. 2021. No. 48 (5). P. 619–641.

30. *Mondak J.J., Anderson M.R.* The Knowledge Gap: A Reexamination of Gender-Based Differences in Political Knowledge // The Journal of Politics. 2004. No. 66 (2). P. 492–512.

31. *Sturgis P., Allum N., Smith P.* An Experiment on the Measurement of Political Knowledge in Surveys // Public Opinion Quarterly. 2008. No. 72 (1). P. 90–102.

32. *Shaker L.* Citizens’ Local Political Knowledge and the Role of Media Access // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2009. No. 86 (4). P. 809–826.

33. *Neuman W.R.* The Paradox of Mass Politics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.

Шкала политического знания¹

1. В каком году была принята Конституция России?

1. 1989
2. 1990
3. 1991
4. 1992
5. 1993

2. Какой из перечисленных органов власти относится к исполнительной ветви власти?

1. Государственная дума
2. Совет Федерации
3. Правительство
4. Конституционный суд
5. Верховный суд

3. Из скольких палат состоит парламент России?

1. 1 палата
2. 2 палаты
3. 3 палаты
4. 4 палаты
5. 5 палат

4. Как называется верхняя палата высшего законодательного органа России?

1. Государственная дума
2. Счетная палата
3. Правительство
4. Конституционный суд
5. Совет Федерации

¹ Отвечая на вопросы, респондент мог затрудниться ответить.

5. На какой срок избирается президент России?

1. 4 года
2. 6 лет
3. 8 лет
4. 10 лет
5. 12 лет

6. В каком году были проведены последние на сегодняшний день выборы президента России?

1. 2008
2. 2012
3. 2016
4. 2018
5. 2020

7. Кто занимает пост премьер-министра России?

1. Дмитрий Медведев
2. Михаил Мишустин
3. Михаил Фрадков
4. Сергей Шойгу
5. Сергей Лавров

8. Лидером какой из политических партий является Г. Зюганов?

1. Всероссийская политическая партия «Единая Россия»
2. Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)
3. Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)
4. Политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За правду»
5. Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО»

9. Кто возглавляет Совет Федерации?

1. Валентина Матвиенко
2. Ирина Яровая
3. Эльвира Набиуллина
4. Элла Памфилова
5. Татьяна Голикова

10. Кто занимает пост президента США?

1. Джон Керри
2. Барак Обама
3. Дональд Трамп
4. Хиллари Клинтон
5. Джо Байден

Klimova Aigul

HSE University, Moscow, Russia, amavletova@hse.ru

Artamonov Georgy

HSE University, Moscow, Russia, gartamonov@hse.ru

Chmel Kirill

HSE University, Moscow, Russia, kchmel@hse.ru

Measuring political knowledge: development and testing the scale in Russia

To our knowledge, this is the first paper which develops and validates the scale of political knowledge in Russia. The scale was validated in a telephone survey using random sampling ($N = 3002$). The scale includes 10 questions on the knowledge of political institutes, main political actors, substantial events, international politics, and history of the state. The scale showed sufficiently high internal consistency. Cronbach's alpha was equal to 0.74. In addition, the criterion and convergent validity of the instrument was tested based on socio-demographic variables, interest in politics, news discussion, media consumption, and political behavior. We found weak and medium Pearson correlation coefficients between political knowledge and socio-demographic variables. Convergent validity shows weak and medium correlation coefficients between political knowledge and interest in politics, frequency of discussion of political news, and media consumption. The strongest correlation was found with interest in politics. In addition, we found a positive correlation between political knowledge and such forms of political behavior as turnout at State Duma elections, signing petitions, and participating in campaigning. Finally, the IRT (Item-Response Theory) results showed quite a high quality of the scale. Overall, we conclude that this scale can be used to measure political knowledge in Russia.

Keywords: political knowledge, criterion validity, convergent validity, internal consistency, Cronbach alpha, KR20, IRT (Item-Response Theory).

References

1. Palfrey T.R., Poole K.T. The Relationship Between Information, Ideology, and Voting Behavior, *American Journal of Political Science*. 1987. No. 31 (3). P. 511–530.
2. Zaller J. *The Nature and Origins of Mass Opinion* (transl., in Russian). Moscow: Public Opinion Foundation, 2004.
3. Berelson B.R., Lazarsfeld P.F., Mcphee W.N. *Voting: a Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*. Chicago: University of Chicago Press, 1954.
4. Delli Carpini M.X.D., Keeter S. Stability and Change in the U.S. Public's Knowledge of Politics, *The Public Opinion Quarterly*. 1991. No. 55 (4). P. 583–612.
5. Delli Carpini M.X.D., Keeter S. Measuring Political Knowledge: Putting First Things First, *American Journal of Political Science*. 1993. No. 37 (4). P. 1179–1206.
6. Delli Carpini M.X.D., Keeter S. *What Americans Know about Politics and Why it Matters*. New Haven: Yale University Press, 1996.
7. Fomin O.N. *Political culture as factor of political process* (in Russian), *Vlast*. 2012. № 3. P. 86–89.
8. Milbrath L.W. *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?* Chicago: Rand McNally, 1965.
9. Clark N. The EU's Information Deficit: Comparing Political Knowledge across Levels of Governance, *Perspectives on European Politics and Society*. 2014. No. 15 (4). P. 445–463.
10. Andı S., Aytaç S.E., Çarkoğlu A. Internet and Social Media Use and Political Knowledge: Evidence from Turkey, *Mediterranean Politics*. 2020. No. 25 (5). P. 579–599.
11. Prior M. News vs. Entertainment: How Increasing Media Choice Widens Gaps In Political Knowledge And Turnout, *American Journal of Political Science*. 2005. No. 49 (3). P. 577–592.
12. Pietryka M.T., MacIntosh R.C. An Analysis of ANES Items and Their Use in the Construction of Political Knowledge Scales, *Political Analysis*. 2013. No. 21 (4). P. 407–429.
13. Barabas J. et al. The question(s) of political knowledge, *American Political Science Review*. 2014. No. 108 (4). P. 840–855.

14. Mondak J.J. Developing Valid Knowledge Scales, *American Journal of Political Science*. 2001. No. 45 (1). P. 224–238.
15. Jennings M.K. Political Knowledge Over Time and across Generations, *Public Opinion Quarterly*. 1996. No. 60. P. 228–252.
16. Lupia A. *Uninformed: Why People Know So Little about Politics and What We Can Do about it*. New York: Oxford University Press, 2016.
17. Prior M., Lupia A. Money, Time, and Political Knowledge: Distinguishing Quick Recall and Political Learning Skills, *American Journal of Political Science*. 2008. No. 52 (1). P. 169–183.
18. Dolan K. Do Women and Men Know Different Things? Measuring Gender Differences in Political Knowledge, *The Journal of Politics*. 2011. No. 73 (1). P. 97–110.
19. Cohen C.J., Luttig M.D. Reconceptualizing Political Knowledge: Race, Ethnicity, and Carceral Violence, *American Political Science Association*. 2020. No. 18 (3). 805–818.
20. *AAPOR: The American Association for Public Opinion Research. Standard Definitions: Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys*. 9th ed. Amsterdam: AAPOR, 2016.
21. Robison J. Who Knows? Question Format and Political Knowledge, *International Journal of Public Opinion Research*. 2015. No. 27 (1). P. 1–21.
22. Luskin R.C., Bullock J.G. “Don’t know” Means “Don’t Know”: DK Responses and the Public’s Level of Political Knowledge, *The Journal of Politics*. 2011. No. 73 (2). P. 547–557.
23. Mondak J.J. Reconsidering the Measurement of Political Knowledge, *Political Analysis*. 2000. No. 8 (1). P. 57–82.
24. Maydeu-Olivares A. Goodness-of-Fit Assessment of Item Response Theory Models, *Measurement: Interdisciplinary Research and Perspectives*. 2013. No. 11 (3). P. 71–101.
25. Chaffee S.H., Zhao X., Leshner G. Political Knowledge and the Campaign Media of 1992, *Communication Research*. 1994. No. 2 1(3). P. 305–324.
26. Chaffee S.H., Kanihan S.F. Learning about Politics from the Mass Media, *Political Communication*. 1997. No. 14 (4). P. 421–430.
27. Larcinese V. Does Political Knowledge Increase Turnout? Evidence from the 1997 British General Election, *Public Choice*. 2007. No. 131. P. 387–411.

28. Dimitrova D. V. et al. The Effects of Digital Media on Political Knowledge and Participation in Election Campaigns: Evidence From Panel Data, *Communication Research*. 2014. No. 41 (1). P. 95–118.
29. Amsalem E., Nir L. Does Interpersonal Discussion Increase Political Knowledge? A Meta-Analysis, *Communication Research*. 2021. No. 48 (5). P. 619–641.
30. Mondak J.J., Anderson M.R. The Knowledge Gap: A Reexamination of Gender-Based Differences in Political Knowledge, *The Journal of Politics*. 2004. No. 66 (2). P. 492–512.
31. Sturgis P., Allum N., Smith P. An Experiment on the Measurement of Political Knowledge in Surveys, *Public Opinion Quarterly*. 2008. No. 72 (1). P. 90–102.
32. Shaker L. Citizens' Local Political Knowledge and the Role of Media Access, *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2009. No. 86 (4). P. 809–826.
33. Neuman W.R. *The Paradox of Mass Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.